

по одному случайному отвѣту нельзя составить себѣ точнаго и вѣрнаго понятія о знаніяхъ испытываемаго. Преподавателемъ исторіи на русскаго языка можетъ сдѣлаться, такимъ образомъ, отличный латинистъ или эллинистъ, едва знакомый съ событіями средних вѣковъ или новаго времени, съ отечественной и западно-европейской литературой. Наоборотъ, превосходный знатокъ исторіи, русскаго языка, славянскихъ нарѣчій можетъ потерпѣть неудачу, рѣшительную для всей его будущности—не всякій же имѣетъ возможность продолжать ученіе еще годъ или два послѣ выпуска изъ университета,—только потому, что онъ оказался недостаточно твердымъ въ греческомъ синтаксисѣ или въ латинской стилистикѣ. Представимъ себѣ двухъ кандидатовъ, предназначающихъ себя къ одной и той же дорогѣ, нарѣкъъ занятію исторіей. Одинъ изъ нихъ, одаренный памятью словъ, такъ хорошо овладѣлъ лексическимъ и грамматическимъ матеріаломъ, что написалъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ, на немъ же исполнилъ третью клаузурную работу (истолкованіе отрывка изъ римскаго или греческаго автора), перевелъ безъ ошибокъ съ русскаго языка на латинскій и греческій и отлично выдержалъ устное испытаніе по древнимъ языкамъ. Другой написалъ сочиненіе по-русски, по-русски же истолковалъ древняго автора, запоминать кое-что изъ синтаксиса и оказался неблестящимъ интерпретаторомъ древнихъ авторовъ. Первый получить дипломъ первой степени, хотя бы свѣденія его по русской исторіи и литературѣ были самыя скромныя; послѣдній получить, въ лучшемъ случаѣ, дипломъ второй степени, хотя бы никто изъ товарищей не могъ сравняться съ нимъ въ знаніи исторіи и всѣхъ сопредѣльныхъ съ нею предметовъ. Чѣмъ бы ни предполагали заниматься студентъ-филологъ, для него—какъ и для всякаго образованнаго русскаго человѣка—больше всего необходимо полное обладаніе русскимъ языкомъ; даже для будущаго преподавателя древнихъ языковъ оно важнѣе, чѣмъ умѣнье *писать* по-латыни—а между тѣмъ латинскому сочиненію дается преимущество передъ русскимъ... Въ связи съ правилами о зачетѣ полугодій и объ экзаменныхъ требованіяхъ, правила объ испытаніяхъ въ историко-филологической комиссіи слишкомъ легко могутъ привести къ результату, котораго, конечно, не желаютъ ихъ составители: къ опустѣнію историко-филологическихъ факультетовъ, и безъ того уже мало посѣщаемыхъ сравнительно съ другими (припомнимъ относящуюся сюда цифру отчета за 1884 годъ: 1.340 т.-е. менѣе 10% общаго числа студентовъ), и къ оскуднѣнію философскихъ, историческихъ и литературныхъ знаній, особенно важныхъ именно въ наше время.